

Растите здоровыми!

У районного приюта своя жизнь — беспокойная, хлопотная, но тесно связанная с жизнью поселка. О делах и новых событиях в приюте беседуем с воспитателем, временно исполняющей обязанности заведующей Л. А. Чупса.

— Мы своих детей очень любим, — говорит Людмила Андреевна, — поэтому стараемся создать им домашнюю обстановку, отдаем всю свою ласку и внимание. Кроме этого мы не замыкаемся только в стенах приюта. Во время школьных каникул ходили на экскурсии, приглашали гостей, общались. И походы эти дали детям многое. Познакомились, например, с ребятами и учителями из художественной школы, посмотрели рисунки, поделки. Маленькие художники интересно рассказывали нам о своей школе, подарили чудные подарки — изделия из глины, сухих листьев, цветов. На экскурсии в комбинате бытового обслуживания девочки дали много лоскутков, кусочков меха, и они решили в свободное время учиться шить мягкую игрушку и одежду для кукол. После посещения библиотеки у ребят всегда остается много впечатлений и еще — интересные книги как по школьной программе, так и по внеклассному чтению. На каникулах к нам в гости приходила библиотечка Л. И. Ремнева со своими ребятами, которые показали спектакль, а наши дети в ответ — концерт художественной самодеятельности.

— Вы, действительно, стараетесь сделать жизнь своих питомцев интересной? Наверное, и планов немало?

— Конечно. Еще в начале года хотели съездить в зверосовхоз, посетить пищекомбинат. Но из-за эпидемии гриппа отложили мероприятия. Правда, с пищекомбинатом познакомились заочно: получили в подарок конфеты, печенье и приглашение прийти в гости весной.

— Слышала, что вам до сих пор поступает помощь от населения и организаций.

— Да, спасибо добрым людям, помогают, чем могут. Учительница Штайно из Алкинской школы связала и подарила нам восемь пар варежек. Повар детского сада «Солнышко» Шестакова, которая одна воспитывает двоих детей, передала нашим детям шерстяные носки. Кроме того, к нам на праздники приходят соседи — Л. С. Шадуурская, Г. Ф. Костюкевич, Е. С. Шмакова, приносят вкусную стряпню, сладости, вместе с ребятами пьют чай. В январе почти весь приют переболел гриппом. И здесь нас не оставили в беде: отдел социальной защиты населения выделил еще до нового года деньги на приобретение лекарств. В самый разгар эпидемии те же соседи и наши работники приносили из дома бруснику, мед, варенье.

Еще наш коллектив благодарен работникам Агропромхимии Ю. Усию и В. Полошину, которые за два дня вывезли с территории приюта весь шлак, работу сделали добросовестно и за небольшую плату. Для нас это — огромная поддержка.

Наши ребята с благодарностью принимают заботу и внимание со стороны взрослых. И для нас, воспитателей и нянь, главное, чтобы они слушались, не ленились учиться, росли здоровыми и добрыми.

Беседовала С. ЛУКИНА.

ОКТАБРЬ в том году выдался на славу. Будто и впрямь просьбы и мольбы крестьян дошли до Божьего уха. По ночам было прохладно, но дни стояли солнечные и сухие. Леса, окружавшие село и поля, преобразованные чародейкой осенью восхищали взор и бередили душу. Неплохой урожай, выращенный селянами, убирался споро. Полновесное зерно, пересыпаемое в грубых ладонях механизаторов, сверкало золотом, наполняло грудь радостным теплом. Осво бождавшемуся поля следом запахивались и готовились под будущий урожай.

Среди рослых мужчин и парней в бригаде пахарей со своей незавидной на вид фигуркой был и Ильич. По годам он давно мог, как говорят, заслуженно отдыхать. Но не из этой породы был этот посевщик во всю голову человек, пахарь, как говорят, от Бога. Любовь к земле и вообще к крестьянской жизни привил ему, еще с колыбели отец, приехавший на вольные сибирские просторы из голодающей западной губернии.

ВОТ И ИЛЬИЧ, прикипевший навечно к селу, без малого уже четыре десятка лет для родных полей — сеятель и хранитель. И до последнего времени редко кто из молодых, мог, как говорят, наступить ему на пятки. Зимой, когда утихнут горячая пора, иногда Ильич давал себе расслабиться и поблагодарить. А на веселых пирушках презирал свары и передраги. Дойдя, как говорят, до кондиций, выбирал поудобнее место где-нибудь в углу и, не обращая ни на кого внимания, заводил свои песни. В этих протяжных, передаваемых из поколения в поколение песнях он издывал все, что скопилось в душе и требовало выхода. На утро он, как солдат, был всегда в строю.

Зимой, если не было работ на тракторе, шел кочегарить в котельную, но чаще всего занимался хлыстовой вывозкой дров для земляков. И здесь равных ему не было.

А уж когда запоет жаворонок (небесный колокольчик), Ильича, бывало, и на канате не удержишь нигде, ему бы только — в поле. До работы он был жаден, порой сутками, не разгибаясь, занимался ремонтом трактора, выходя из него только по необходимости. Характером он был прям, резок и вспыльчив, но отходил быстро. Никогда не юлил перед начальством и сотоварищами, любому говорил в глаза то, что думал и как понимал. Вспылив, мог броситься в рукопашную, если видел в нерадивом механизаторе охотника за почетом и славой, а на деле халтурщика и издевателя над землей.

За свой характер Ильич нередко бывал в опале у начальства, но нередко и награждался за труды праведные. Ни один десяток молодых механизаторов были обязаны ему своим становлением как хлебороба, так и человека. В шутку он говорил: «Уж эти мне шарамыжники, куда от них деться?». Всегда учил их только добру и справедливо сти.

Опустился вечер синий. Во дворе уже темно. Серебристо-белый иней Затаил в окне стекло. У крыльца поземку ветер Белым маревом кружит. И прозрачный куст сирени Под окном промерз, дрожит. Пес калачиком свернулся,

Природный пахарь Ильич

♦ Рассказ

С ГОДАМИ приобрел он непререкаемый авторитет. Стар и мал стали называть его Ильич. А это в селе, где знают всю подноготную друг о друге, пожалуй, редкость. Так в труде мчались годы друг за другом и постепенно брали свое. Еще этой весной держался он бодро и, выходя в поле, шутил по обыкновению с молодыми: «Я еще покажу вам кузькину мать, шарамыжники!». Но к осени стал заметно сдавать и попросил отставки. Жаль было расставаться с бригадой и полями, да ничего не поделаешь. Видно, его время укатилось красивым солнышком за дальний бугор у горизонта.

НОЧАМИ НЕ ДАВАЛИ покоя руки и ноги, нагруженные за долгие годы, да и во всем теле чувствовалась непреодолимая тяжесть. И вот настал тот день, которого он ждал и боялся. Бригада заканчивала убирать последнее поле, когда подъехали бригадир и агроном. Закончив загонки, все трактора выстроились в ряд у дороги. Проверив технику, руководство обратилось к механизаторам, что дымили балагуря в сторонке:

— Вот что, мужики, сейчас плуга — в гору и переход на ту сторону. Будем зачищать все остатки, так сказать, последние штрихи перед сдачей в зиму. Ну, а это поле мы доверяем Ильичу — опалить края и прочее. Думаем, не дело — трести его на ту сторону.

И, уже подойдя к нему вплотную, как-то особо, по сыновьи, добавили: «Заправки хватит, закончишь — на мойку и в колонну».

Возражений не последовало. Ильич да и все остальные понимали, что это — последний день. Ильич в душе был благодарен товарищам за предоставленную услугу — проститься с полями один на один.

ТРАКТОРА, взревев, лязгая гусеницами и сверкая отвалами подтянутых плугов, двинулись колонной по дороге. Ильич с грустью посмотрел им в след, вздохнул и с горечью промолвил: «Эх, сбросить бы годков двадцать, потягался бы тогда я с вами!».

Неторопливо завел свой Т-4, тронул рычаги и педали, направляя трактор в борозду. Стальная машина от легкого прикосновения рук и ног Ильича послушно двигалась по массиву, оставляя за собой ровную полоску вспаханной зяби. Тот, кто на своей шкуре испытал настоящий крестьянский труд, при виде такой картины сказал бы: «Да, человек и машина — в своей настоящей стихии».

ПРОШЛО ЧАСА ДВА, и массив был готов к сдаче. Обойдя по периметру, как по линейке, и отбив края, Ильич выгнал трактор на крохотную полянку у старой березы и заглушил. Наломав веник из подсохшей полыни, сладко-горький запах которой кружил голову, сбил пыль с трактора и плуга. Сняв просященный костюм, расстелил его

у березы, достал из кабины «тормозок». Так механизаторы называют в шутку сумку с обедом. Кряхтя, уселся, прижавшись вышней спиной к старой подружке-березе. Как бы почувствовал прикосновение близкого друга — человека, береза надрывно заскрипела. Что-то понятное было в этой идиллии дерева и человека. Исхлестанная дождями и ветрами, с расстрескавшейся от лютых зимних морозов корою, скрипящая и стонущая, как человек по ночам, пережившая все невзгоды, стояла она, чуть наклонившись, но гордая и величавая. А Ильич, чуть сгорбленный, сухой, жилистый, с седой головой, с потемневшим от копоти лицом, посеченным морщинами. «Ну вот, попрощайся с тобой», — обратился он к березе, что долгие годы принимала его под сень свою как дорогого гостя. Та в ответ, как бы соглашаясь с ним, сыпанула на его седые всклокоченные волосы пригоршню золоченых листьев.

— Эх, кхе, кхе, — крикнул Ильич и начал выкладывать на газету немудреные продукты, заботливо уложенные в сумку женой. Медленно пожевывая, прищурившись, глядя в даль, к горизонту, куда катилось ласковое солнце, он впал в задумчивость. Все было как на экране, полпыло перед ним, ярко высвечивая отдельные фрагменты.

ВОТ ОНО БОСОНОГОЕ голубое детство, выпавшее на годы войны. Юность, пролетевшая, как дым, затерявшаяся где-то здесь, в лесах и полях, где был Ильич обычным пастухом. Всплыла и вся ватага друзей, с кем делился радостью и горем, с кем потрошил огорода. Честно отслужил в армии на дальнем Севере.

А вот он в самом расцвете: орел-жених и рядом молодая жена, что яблоня в цвету. Надежда. Так и пошли они рядом по жизни. Его подруга до сих пор, несмотря на все жизненные передраги, сохранила задор юности. Хотя она давно на пенсии, но этого огня в ней хватит на троих. В голове внезапно возникли фрагменты огорчений, но их Ильич отгонял, как бы стирая из памяти.

БЫЛ И ОСОБО трудный момент в жизни Ильича, когда болезнь приковала к постели. Да, видно, промашка вышла у Костомахи: побывав Ильич в ее ледяном объятии, но отступила она ни с чем. Как заново рожденный, вернулся он домой и в коллектив, где его встретили с теплом и пониманием.

Своими руками срубил он дом, обзавелся семьей. Не протелет мимо Ильича с женой Надеждой и волшебник-аист. И пополнилась его семья с годами тремя детьми. Дети росли, принося радости и огорчения, добавляя забот и хлопот. Повзрослев, как обычно, разлетелись по своим гнездам. И сейчас, в летнее время наполняется дом Ильича громкоголосой ватагой внуков — почти точным повторением детей.

Из села Ильич выезжал редко, в основном при большой необходимости. Вот так и протекла его жизнь в трудах и заботах, большей частью в поле, где ему знаком был каждый куст, каждая дорога и топка. Свои шестьдесят встретил еще бодро, с шуткой: «Какне это годы, только зубы начали прорезываться да в большенькую группу перевели». Но, отработав несколько сезонов, понял, что с техники, пристрастие к которой началось еще при бытности МТС, чалось еще при бытности МТС, где и начинал Ильич прицепщиком, пора уходить. С особым теплом и уважением вспомнил Ильич о директоре МТС Провкине Ефиме Денисовиче. Только с годами понял он, насколько велик был талант этого руководителя-самородка, в крестьянской науке строгого и справедливого. Благодаря ему многое в жизни понял и Ильич.

ИЗ ВОЛШЕБСТВА воспоминаний вывел его надрывный, хриплый крик вездесущей вороны. Кто-кто, а уж она за версту чует поживу. Ильич от неожиданности вздрогнул, смахнул рукой с глаз пелену воспоминаний и ворчливо произнес: «Нарисовалась кума, не сотрешь! Да, погоди минуту, оставлю тебе гостиницу». Сложив остатки еды в сумку, он оставил на газете поживу для вороны, что зорко наблюдая, сидела на вершине березы.

Бросив «тормозок» в кабину, механизатор прошел к краю поля. Остывающее солнце, прильзвившись к горизонту, косыми лучами расцветило поле так, будто ожидала сказка наяву. Огромное, до горизонта поле напоминало ему праздничный пирог с молотой черемухой. Казадось, великий кулинар выставил на стол свое произведение во всей красе. А озорник-ветер расцветил поле золочеными листьями, которые в лучах солнца сверкали, как праздничные свечи на пироге.

— Хороший будет здесь урожай в будущем году, — проговорил Ильич и, достав сигарету, с наслаждением затянулся и добавил уже с горечью: «А мне уж здесь не сеять, не пахать».

Докурив, завел трактор и, скинув взглядом еще раз свою и товарищескую работу, сел в кабину. Долго ехал на пониженной, продолжая раздумья. И как-то враз просветленный чувством исполненного долга перед Богом и людьми, перешел на повышенную скорость. Солнышко, прячась за горизонтом, утихало, и наступали ранние сумерки. На душе у Ильича было тепло и спокойно. Он сделал все, что смог, хоть и жаль отходить от больших дел. «Ну, что ж, коль станет немотогу, мы еще хоть куда, — рассуждал Ильич, — пусть в корень не жож, но в пристяжке похожу!».

ТРАКТОР легко катился, покачивая плугом на ухабах, к селу, где ожидали Ильича жена и ватага внуков.

А. МАСЛОБОВ.

А. МАСЛОБОВ.

Вечер на подворье

Греет в будне лапы, нос. Суетливых воробышек Под стреху загал мороз. Во хлеву жует корова, Заминая сено в рот.

На шестке расселись куры В пестрый спящий хоровод. Свиный чавкают, в корыто Упираясь пятакон. А агнат кудрявых овцы

Поят теплым молоком. Все в порядке. Все довольны. И на отдых всем пора. Спи спокойно, все подворье. Спи до раннего утра.

с. Каразей.